Л.И. Шерстова

КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА И ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ СИБИРИ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Рассматривается возможность использования концепции фронта применительно к сибирским материалам. Ставится вопрос о том, насколько эта концепция, выработанная в рамках иных исторических условий и другого менталитета населения, колонизирующего пространства Нового Света, пригодна для понимания процессов освоения русскими Сибири. Делается вывод о том, что концепция фронта не способна объяснить процессы быстрого освоения Сибири русскими, и приводятся аргументы, подтверждающие этот тезис.

Ключевые слова: европейские переселенцы; Северная Америка; русские в Сибири; фронт; ментальность; «каменщики»; исторические закономерности.

После кризиса марксистской методологии в отечественной исторической науке в 1990-е гг., казалось, что теории и концепции, выработанные западными учеными, являются не только прогрессивными по сравнению с формационной теорией, но и универсальными для рассмотрения похожих исторических процессов в других регионах планеты. При этом сохранялось идущее от эволюционизма и сохраненное в марксистской методологии представление о том, что единство человечества диктует и тождественность протекания исторических процессов у всех народов и культур. Одной из таких теорий, принятых первоначально без какой-либо адаптации применительно к сибирской истории, стала концепция фронта, широко использовавшаяся американскими учеными при характеристике освоения Нового Света и получившая распространение в отечественной историографии в начале XXI в. [1]. Позже она была несколько адаптирована, но при этом потеряла свое первоначальное понимание [2. С. 46–49].

Основная мысль, заключенная в работе такого яркого представителя этой концепции, как Д.Дж. Бурстин, состояла в европоцентристском взгляде на процессы колонизации новых территорий и в какой-то мере «оправдывала» политику захвата новых земель и гибель местных культур [3. С. 189–199]. Действительно, фронт – это не просто «граница», разделявшая территории белых переселенцев и индейцев Нового Света. Она была наполнена философским содержанием противостояния «цивилизации» и «дикости», а переселение европейских колонистов означало и продвижение европейской культуры. Такой взгляд на заселение европейскими переселенцами базировался как на их убеждении о превосходстве собственной культуры, так и на эволюционистском взгляде западных исследователей на развитие человечества.

Возникает вопрос, а могло ли такое убеждение существовать у русских первопоселенцев при их соприкосновении с культурой сибирских народов? Архивные материалы и научные исследования отечественных историков убедительно показывают, что культурные различия не воспринимались русскими как ментальная граница, что во взгляде на аборигенную культуру у русских переселенцев в начальный период освоения Сибири не было ни оценочных суж-

дений, ни чувства культурного превосходства [4. С. 67–69]. И это очевидно потому, что, во-первых, русские в XVII в. не были знакомы с европейскими учениями о стадийности развития человечества, а значит, о возможности пребывания разных народов на разных уровнях социально-экономического развития, что и предопределяло паритетные отношения.

Не следует забывать и об общем евразийском наследии как русских переселенцев и московской власти, так и сибирских народов и их властных институтов, которые имели общие истоки и не могли противопоставлять аборигенов и пришельцев на общественно-экономическом уровне [5. С. 374–378]. Православие первых русских сибиряков также не воспринималось ими как «культурное» превосходство, так как переоценивать религиозность русских того периода было бы не совсем верным. Вот что писал в своей знаменитой грамоте патриарх Филарет митрополиту Киприану: «В Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок, и, не имея, чем выкупить, женятся на других» [6. С. 80].

Во-вторых, европейские идеи стали проникать в русскую элиту вместе с реформами Петра I. Но к этому времени Сибирь уже была «русской», а сама идея фронта перестала быть актуальной. И даже массовая христианизация не провела четкой границы между аборигенами и русскими в Сибири, так как если у первых она, в лучшем случае, вобрала в себя традиционные представления, а православие вторых «обогатилось» за счет местных культов и верований.

При освоении Нового Света и Сибири изначально существовала принципиальная разница: если европейцам нужны были земли, то Московской власти в первую очередь важно было распространить свое подданство на местное население. Пушкина – вот что было целью как свободных новгородских, а затем и московских промышленников, так и государственной власти в Сибири. Власть не столько над территорией, сколько над живущим на ней населением была рецидивом евразийского наследия, наследия мощных кочевых империй Центральной Азии от гуннов до монголов, когда сила правителя опиралась на численность подданного населения, от которого зависела

боеспособность армии. В условиях «кочевого» образа жизни населения контролировать территории было бессмысленно, но «привязав» определенное количество людей к представителям господствующего слоя, можно было легко управлять ими. Этот принцип через ордынцев прочно укрепился в ранней московской государственности. Поэтому в наказах сибирским воеводам московские цари не только приказывали «разыскивать новые земли», что было не главным, а «полнить ясашные волости» и обходиться с местным населением «с ласкою». В условиях усиления крепостного права в европейской части России именно сибирские аборигены – ясашные – были основными поставщиками пушнины. Русской власти в Сибири в начальный период колонизации не столько была нужна земля как таковая, сколько люди – еще одно тяглое сословие Московского царства [5. С. 374–378].

Процессы включения сначала народа, а потом и его территории хорошо прослеживаются при колонизации Сибири русскими в XVII в. и даже позже. Разновременное вхождение в состав России населения и его территории – явление нередкое в сибирской истории. С этим, например, связана проблема определения даты включения Хакасии. Таковой может считаться начало XVII в., когда часть предков хакасов была объясчена из Кетска и Томска и в одностороннем порядке, на правах ясачных (оставаясь кыштымами енисейских киргизов), вошла в структуру российского общества и государства. Или же 1680 г., когда киргизы признали права на своих подданных и со стороны Москвы, и те стали двоеданцами. Или 1703 г., когда, наконец, тюркоязычные группы Томь-Енисейского междуречья, фактически уже целое столетие платившие русским ясак, заполнили опустевшие после увода киргизов джунгарами земли: качинцы и аринцы с севера, моторы-койбалы с востока, сагайцы с верховьев Томи, бельтиры с юга. При этом сибирские власти не предприняли никаких мер, ограничивавших данные миграции. Наконец, датой вхождения Хакасии в Российское государство можно считать 1707 или 1709 гг., когда основанные русскими Абаканский и Саянский остроги четко обозначили территориальные границы России в бассейне Верхнего Енисея.

Аналогичная ситуация сложилась и в Горном Алтае. В результате джунгаро-китайской войны середины XVIII в. Джунгарское ханство было уничтожено, и его многочисленные подданные, среди которых были урянхайцы и теленгуты – предки современных алтайкижи и части телеутов современной Кемеровской области, бросились под защиту Колывано-Воскресенской линии. В ответ на их многочисленные просьбы о российском подданстве 2 мая 1756 г. Елизаветой Петровной был подписан Указ, который предусматривал не только подданство, но и переселение на Волгу, а также крещение просителей. Действительно, в 1757 г. значительная их часть была переселена, но большая часть, став подданными Российской империи, вновь бежала в горы, на свои традиционные кочевья. Бежали на территорию, которую русская власть вплоть до конца XVIII в. фактически не контролировала, не считая отдельных разъездов, чтобы отогнать монгольские

или китайские отряды, хозяйничавшие на этой территории. Предки алтайцев вернулись на земли, которые в состав России не входили, но, будучи российскими подданными, платили дань в Бийск, в то время как их земли были за пределами линии, т.е. русской границы в Обь-Иртышском междуречье.

Так продолжалось почти 100 лет, когда российские подданные жили на землях, юридически России не принадлежащих. И только в 1864 г. после подписания Чугучакского договора была определена граница между Россией и Цинской империей, и Горный Алтай юридически стал частью Российской империи. Эти примеры наглядно демонстрируют, что фронта, в его американском понимании, в Сибири не было – подданными сначала становились люди, а уж потом, спустя десятки лет, российскими становились и их территории. Более того, фронт изначально опирался на продвижение белой колонизации на Запад именно как земледельческого освоения территории, и интересы местного населения вообще не принимались во внимание – ведь нужны были земли, а не люди, к тому же «дикари».

Следует заметить, что появление русских поселений в Сибири было связано не только с деятельностью центральной и местной русской власти, по приказу которых основывались русские города, крепости и остроги в Сибири. Изначально присутствовала и вольная русская земледельческая колонизация, которая в Сибири приобрела своеобразные черты. Важно отметить, что канадские трапперы тоже глубоко проникли во внутренние районы Нового Света, но они не основывали поселения за пределами фронта. Относительно Сибири следует заметить, что в некоторых случаях вольная земледельческая колонизация опережала государственное закрепление новых земель. В данном случае показательна история заселения земель по рр. Бухтарме и Нарыму. В отечественной литературе эта группа поселенцев известна как «каменщики», т.е. «живущие в камне» – «в горах».

Вопрос о дате ее формирования может решаться только предположительно, так как архивные данные отсутствуют. Впервые сведения об этой группе поселенцев за пределами Колывано-Воскресенской линии фигурируют в донесениях коменданта «пограничной» Усть-Каменогорской крепости Густава Штрэндмана в Коллегию иностранных дел графу А. Безбродко. Он сообщал, что по «его прибытию в сибирский корпус» в 1787 г., он «часто получал сообщения из разных источников, что по рекам Иртыш и Бухтарма, в горах, прилегающих к китайской границе, находится немало число российских беглецов с женами и детьми, имеющих там хлебопашество и прочее домашнее обзаводство, которых якобы китайцы, как они около их постов находятся, весьма приветствуют... и в нуждах не оставляют» [7. Л. 5]. Несмотря на то что из Усть-Каменогорской крепости не раз отправлялись военные команды, чтобы найти и вернуть этих русских беглецов, но «по причине непроходимости тех мест и ущелий, команды без успеха возвращались» [Там же].

Указание на то, что часть беглецов живет семьями, свидетельствует, что среди каменщиков были беглые приписные крестьяне с Колывано-Воскресенских за-

водов. Данный факт подтверждается и тем, что одним из условий их возвращения вновь в российское подданство была просьба снять с «обществ», откуда они бежали, и их родственников подати, которые они платили за беглецов, и переложить их непосредственно на них.

Таким образом, можно предположить, что основа будущих «каменщиков» формировалась за счет беглых семей из приписных деревень. Тогда самые ранние вольные поселения за линией начали формироваться в 20–30-х гг. XVIII в., когда на Алтае стали открываться рудники и заводы и потребовались крестьяне для их обслуживания. Это значит, что первые русские поселенцы могли появиться в верховьях Иртыша, на землях еще существовавшего Джунгарского ханства. И это вполне возможно, так как к этому времени уже состоялись походы в верховья Иртыша И. Бухгольца, Ступина, Лихарева, поставлены Омская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская крепости.

Несмотря на протесты джунгарских ханов на строительство русских крепостей на территории ханства, основной вектор джунгарской политики в это время был направлен не на обострение ситуации с Россией. Более того, ханство рассчитывало если не на ее поддержку, то хотя бы на нейтралитет в своем противостоянии с Цинской империей. С присоединением Восточного Туркестана Джунгария обрела контроль над торговыми путями в Центральной Азии, в связи с чем столица была перенесена с верховий Иртыша на р. Или, а прежние «коренные» земли ханства стали ее периферией, а значит, более доступными для беглецов из-за Колывано-Воскресенской линии.

К моменту начала джунгаро-китайской войны 1754–1756 гг., возможно, какая-то часть беглецов уже обитала в малодоступных горных районах Верхнего Прииртышья, подвергаясь после гибели Джунгарии набегам казахов. В связи с этим показательна политика цинских властей по отношению к русским переселенцам. Как отмечается в Донесении Густава Штрэндмана в Коллегию иностранных дел, «в последние два года у них (беглецов. – Л.Ш.) случился неурожай хлеба, то китайцы помогли им... При том, как подданных своих, от всяких киргиз-кайсацких (казахских. – Л.Ш.) обид защищают» [7. Л. 5]. Такая политика Китая по отношению к русским беглым вполне вписывалась в концепцию его внешней политики – каменщики «без подданства» воспринимались как буферная зона по отношению к России. Политика создания таких лояльных, полузависимых территорий отражала древний принцип построения отношений с другими народами – окружив себя лояльным населением, можно было существовать вполне комфортно.

Для русской же власти «каменщики» – русские по происхождению – представляли геополитический интерес: вернувшись в российское подданство, они, во-первых, автоматически закрепляли за Россией неразделенные с Цинской империей территории бывшей Джунгарии в верховьях Иртыша. Во-вторых, русские рудознаты уже проникли на Бухтарму и на «ничейной» территории, вблизи поселений каменщиков в это время уже работал Бухтарминский рудник. К тому же стало известно, что ближайшие речки и горы богаты

золотом и серебром. В-третьих, каменщики превосходно знали местность между Колывано-Воскресенской линией и китайскими форпостами и могли предложить наиболее удачный вариант «для проложения между китайскою и нашею границы в тамошних местах» [7. Л. 6].

Исходя из этих соображений, Густав Штрэндман вместо отряда военных, который, как и прежде, никогда бы не нашел, так как беглецы, как обычно, скрылись бы в горах, в качестве агента послал к ним купца, который вел с ними торговлю. Ему было дано задание не только составить точный маршрут для возможного «нового прохода» воинских команд, но, во-первых, узнать у них, имеют ли они раскаяние в проступках их и потом, ежели имеют, то уговорить их к возвращению по-прежнему в Россию, и если они согласятся, то «прислать... для засвидетельствования того... от всего общества письменное прошение» [Там же].

Вскоре посланец вернулся и нашел их жилища за рекой Нарымом «при вершинах реки Белой и при речки Тихой, которая впадает в Бухтарму, а Тихая в Коксу разных маленьких, рассыпанных по ущельям десять деревень, в которых находились кроме женщин и дети, до трехсот человек, имеющих оружие и порох, довольно и хлебопашества. ...промысел их состоит в разных зверях, которых они меняют китайцам и киргизцам (казахам. – Л.Ш.), а что касается до намерения, то они охотно пожелали принести Е.И.В. в проступках своих повинную, и если удостоится счастья получить прощение, то просят чтобы позволили им остаться там или переместиться оттоль ближе к крепости Усть-Каменогорской вниз по Бухтарме или по речке Нарынке... с тем при том, дабы повелено им вместо обыкновенных денежных податей платить в казну по примеру иноверских народов ясаком» [Там же. Л. 5 об.].

Однако никакого письменного прощения о помиловании привезено не было – беглецы заявили, что значительная их часть в это время находится «на промыслах» и попросили вновь прислать к ним «кого-нибудь из купцов, чтобы сообщил, простили ли им их проступки» [Там же. Л. 5 об.].

Видимо, известие о возможности «вернуться в Россию» оживленно обсуждалось среди «каменщиков». Ведь среди них были не только беглые приписные крестьяне с семьями или мастеровые с заводов. Согласно рапорту от 15 августа 1791 г. в поданных списках значилось – в одном 70 человек, в том числе трое семейных, а во втором – 133 человека, из которых 61 мужчина имел семьи [Там же. Л. 11]. Непонятно, вошел ли в эти списки драгун Быков с трестами вооруженных мужчин. О нем Г. Штрэндману докладывал кавалер Качка осенью 1790 г. Драгун Быков, «почитающихся у них (беглецов. – Л.Ш.) за старшего», в окружении вооруженных людей приехал на Бухтарминский рудник для того, чтобы узнать, если действительно «приглашают их к возвращению по-прежнему в Россию, то желают знать, простятся ли они в своих проступках... то тогда он, Быков, с 300 человек вооруженных готов показать свое усердие» [Там же. Л. 6].

Следует полагать, что общество «каменщиков» было достаточно неоднородно в сословном отноше-

нии – помимо приписных крестьян, рабочих и мастеровых с заводов и рудников в него входили беглые военные, причем не только простые солдаты или казаки. Большая его часть состояла, видимо, из мужчин разных сословий, среди которых, безусловно, было достаточно много с авантюрным характером, смелых и уверенных в себе. Характеристика «каменщиков» будет неполной без учета конфессиональных особенностей беглецов. Известно, что среди первых рабочих и мастеровых, привезенных А. Демидовым с Урала, было достаточно количество старообрядцев. Видимо, этот конфессиональный компонент увеличивался и за счет тех старообрядцев, которые отправлялись на поиски Беловодья – «земли обетованной» – не только из Сибири, но и европейской части, так как один из путей проходил через Горный Алтай. Не случайно среди условий, на которых «каменщики» вновь стали бы российскими подданными, была просьба «чтобы у них не разоряли раскольников веру и священников к ним не определяли» [7. Л. 8 об.].

Несмотря на сословную и конфессиональную (а возможно, и этническую неоднородность), тем не менее, это общество «беглецов» было хорошо организовано и, видимо, имело свою систему управления. Оно сохраняло традиции самоуправлявшихся северорусских общин, независимый дух «казачьего круга», старообрядческую замкнутость. Будучи сплоченным, оно оказывалось неуязвимым для воинских команд, посылаемых с линии, которые не могли обнаружить их поселения, а значит, система связи между деревнями действовала постоянно, предупреждая об опасности. Имея для защиты достаточное число вооруженных людей, под командованием профессионального военного, оно могло защитить крестьян от угрозы китайских или казахских нападений, и последние, видимо, осознавали это. В то же время «каменщики» сумели наладить с ними отношения, занимаясь торговлей, в том числе охотничьими трофеями. Они были прекрасными следопытами, изучив не только горные районы, прилегающие к Бухтарме и Иртышу, но осваивали и долину Коксы. Среди их пожеланий было и стремление переселиться на «изысканных ими местах по рекам Хамиру (Кумир. – Л.Ш.) и Тургусуну» [Там же. Л. 8]. Последнее было очень важно, так как именно на этих реках было обнаружено золото, и поселить там российских подданных означало бы закрепление за Российской империей данных территорий.

Теория фронта не применима к сибирской истории еще и потому, что даже в конце XVIII в. одной из главных просьб во всех прошениях «каменщиков» было исключить их из «прежних подушных податей и чтобы приказано им было плату в казну производить зверями» [Там же. Л. 5 об., 6, 7 об., 8 об., 10]. Они прекрасно понимали, что в этом случае их положение будет тождественно положению «иноверских», т.е. аборигенных народов Сибири, чье тягло определялось ясаком, а в сословном смысле они образовывали бы сословие «ясачных», в котором можно было только родиться. Определяя для себя вид повинности в виде пушнины (звериных шкур), «каменщики» – русские по происхождению люди – по своей воле уравнивались с коренным населением Сибири. Таким образом,

не прослеживается ни ментальная, ни этническая, ни культурная граница между пришлым и коренным населением. Сложно представить, чтобы белый переселенец в Новом Свете не просто отождествил бы себя с индейцем, а согласился принять его статус.

Фактически все условия принятия вновь российского подданства, на которые указывали «каменщики», были выполнены. В 1792 г. они в качестве «ясашных» официально заняли свое место в сословной структуре империи. После образования в 1804 г. Томской губернии Бухтарминская ясачная волость была причислена к Бийскому округу. Согласно «Уставу об управлении инородцев» (1822 г.), «ясашные», бывшие «каменщики», официально стали именоваться по названию сословия «инородцами», а Бухтарминская ясачная волость была переименована в Бухтарминскую инородную управу и в 1824 г. насчитывала 275 р.д. [8 Л. 62]. Решением Второй ясачной комиссии (1830-е гг.) сословный статус и название органа управления были сохранены. Русские по происхождению бухтарминцы официально считались «инородцами», так как сохранялся вид их тягла – ясак. Следует отметить, что согласно имперскому законодательству русские люди не могли причисляться к инородным управам (без особого разрешения), как и принимать сословие инородцев: «...только кои происходят из рода ясачных (инородцев. – Л.Ш.) сохраняют это звание [9 Л. 21].

Таким образом, какой-либо существенный легальный приток извне в Бухтарминскую инородную управу был жестко ограничен, хотя в реальности рост численности управы не прекращался. В 1849 г. она насчитывала 411 р.д. [10. Л. 1167], а к концу XIX в. – 872, расселенных в основном в бассейне Бухтармы, в деревнях Сенной, Быковой, Малонарымской, Верх-Бухтарминской, Язовой, Фыкальской и т.д. К этому времени было восстановлено соответствие сословного состояния данной группы и их этнической принадлежности. В 1876 г. Бухтарминская инородная управа была преобразована в Верх-Бухтарминскую крестьянскую волость [11. Л. 280], а «инородцы» Бухтармы официально стали именоваться крестьянами, так как на них были распространены обязанности и виды податей, определенные для русских крестьян Сибири. Так закончился интересный период истории одной из русских групп, начавшей свою историю за пределами российской территории, но своим расселением определившей границы Российской империи.

Пример «каменщиков» – не единственный случай, когда русские поселенцы оказывались за пределами территории, официально принадлежащей России. Эта ситуация принципиально важна для понимания существенных отличий колонизации Нового Света и Сибири. Внешнее сходство обманчиво – различная была мотивация переселенцев, существенно отличалось их отношение к местному населению, по-разному воспринимали они новые земли и их население. Европейские государства и Россия неодинаково определяли и свою миссию в новых землях. И если в Новом Свете фронт как проявление цивилизации двигался с востока на запад континента, то в Сибири возникавшие в XVII в. русские города, остроги, деревни,

«рассыпались» по всей ее территории, а на южной кромке Сибири возникали рубежи, определяемые подданством проживавшего там населения, а не четкими географическими привязками. Не было фронта как территориального разграничения между пришлым и аборигенным населением, не существовало его в культурных, хозяйственных отношениях, а главное – он отсутствовал на ментальном уровне тех, кто приходил в Сибирь. Культурное, конфессиональное, языковое разнообразие, окружавшее русских в европейской части, мало отличалось от того, с чем они встретились в Сибири. Но главным было то евразийское наследие, которое присутствовало на менталь-

ном уровне у народов Северной Евразии, которое формировалось у их предков в результате многочисленных миграций, обменов, контактов и которое не противопоставляло их друг другу, а позволяло налаживать диалог. Не продуктивнее ли, опираясь на историю собственной страны, пытаться осмысливать исторические процессы и критичнее относиться к концепциям, появившимся на основе иного исторического материала в рамках специфических научных парадигм? Это совсем не значит, что нет исторических закономерностей, но форм их проявлений столько же, сколько народов, культур, научных исторических концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 3. 128 с.
2. Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
3. Бурстин Д.Дж. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. 234 с.
4. Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 67–69.
5. Шерстова Л.И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в. // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : ТГУ, 2010. С. 374–378.
6. Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832. Иркутск, 1833. 778 с.
7. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65.
8. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
9. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.
10. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 56.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 49. Д. 289.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2017 г.

THE CONCEPT OF THE FRONTIER AND THE RUSSIAN DEVELOPMENT OF SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 217–222.

DOI: 10.17223/15617793/426/26

Lyudmila I. Sherstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

Keywords: European immigrants; North America; Russians in Siberia; frontier; mentality; “kamenshchiki”; historical patterns.

The article analyzes the question of how the concept of the frontier explains the process of Siberia’s annexation to the Tsardom of Muscovy. The concept of the frontier is the basis of American historiography of the New World development and it was widely spread at the turn of the 21st century in Russian historiography. There was a fundamental difference between the development of the New World and the development of Siberia. The Europeans needed land. For the Moscow authorities it was important to extend their citizenship to the local population, which could become a source of furs. Also the author examines the situation between the state and the fugitives who were outside the borders at the end of the 17th century. “Kamenshchiki” (those who live in the mountains) is not a unique case when Russian settlers were outside the territory officially belonging to Russia, then they got Russian citizenship one more time and thus determined the border between Russia and China. This situation is very important for understanding the fundamental differences between the colonization of the New World and the colonization of Siberia. The external similarity is deceptive. The settlers had a different motivation. Also their attitude toward local population was different. The settlers perceived the local population in different ways. European states and Russia had unequally determined their mission in the new lands. In the New World the frontier as a manifestation of civilization moved from the East to the West of the continent. Russian towns, fortresses, villages founded in Siberia in the 17th century were located throughout Siberia. In southern Siberia there was a border which was determined by the citizenship of the population living there, not by geographic conditions. There was no frontier as a territorial boundary between the newcomers and the aboriginal peoples. There was no frontier in cultural and economic relations. And the most important thing is that there was no frontier at the mental level of those who came to Siberia. The cultural, confessional and linguistic diversity that surrounded the Russians in the European part of Russia was not different from what they met in Siberia. The main thing was the Eurasian heritage which was at the mental level of the peoples of Northern Eurasia. This heritage was formed among their ancestors as a result of numerous migrations, exchanges, contacts; and it made possible to establish a dialogue without the opposition “civilization – savagery”.

REFERENCES

1. Rezun, D.Ya. (ed.) (2003) *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and special]. Is. 3. Novosibirsk: RIPEL plus.
2. Basalaeva, I.P. (2012) Criteria for frontier: statement of the proble. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2. pp. 46–49. (In Russian).
3. Burstin, D.J. (1993) *Amerikantsy: kolonial’nyy opyt* [Americans: Colonial experience]. Moscow: Izdatel’skaya gruppа “progress”–“litera”.
4. Bakhrušin, S.V. (1929) *Sibirskie tuzemtsy pod russkoy vlast’yu do revolyutsii 1917 g.* [Siberian natives under the Russian rule before the revolution of 1917]. *Sovetskiy Sever*. 1. pp. 67–69.
5. Sherstova, L.I. (2010) [Eurasian heritage in the sociogenesis of Siberia in the 17th century]. *Kul’tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in the historical context: the experience of the West Siberian archaeological and ethnographic conferences]. Tomsk: TGU, 2010. P. 374–378.

- an archaeological and ethnographic meetings]. Proceedings of the XV XV International. West-Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 374–378. (In Russian).
6. Shcheglov, I.P. (1833) *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri. 1032–1832* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1032–1832]. Irkutsk: Izdanie Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, Tipografiya Shtaba Vostochnogo Sibirskogo voennogo okrug.
 7. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 24. List 1. File 65. (In Russian).
 8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 144. List 1. File 54. (In Russian).
 9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2. List 2. File 4. (In Russian).
 10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2. List 2. File 56. (In Russian).
 11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 49. File 289. (In Russian).

Received: 06 September 2017